

ИППОЛИТ¹

Перевёл с древнегреческого Вланес

АФРОДИТА

И в племенах людей, и в глубине лазури
зовусь я славною, бессмертною Кипридой.
Понтийских жителей и тех, кто обитает
вблизи Атласских гор² под светлым оком солнца,
дарю я милостью, ко мне почтенье видя, 5
но укрощаю тех, кто горделив со мною!
И небожителей охватывает радость,
когда относятся к ним люди с уважением.
Я скоро покажу, насколько это верно.
Меня Тесеев³ сын, рождённый амазонкой,⁴ 10
безусый Ипполит, внук чистого Питфея,⁵
один-единственный из всех трезенских граждан,
дерзает называть сквернейшею богиней!
Он презирает брак и отвергает женщин,⁶
а Фебову сестру, дочь Зевса, Артемиду, 15
считает больше всех достойной поклоненья.
В зелёные леса он убегает к деве⁷
и там, ловя зверей стремительными псами,
обычный человек, общается с богиней.
Я не завидую. С чего мне возмущаться? 20
Но я оскорблена презреньем Ипполита,
и я обидчика сегодня покараю!

¹ Трагедия Еврипида «Ипполит» была впервые поставлена в 428 г. до н.э. в Афинах. Перевод выполнен с древнегреческого языка по изданию Диггла: *Euripidis Fabulae*. Edidit J. Diggle. Tomus I. Oxford Classical Texts. Oxford: Clarendon Press, 1984. 201-71. При переводе были использованы комментарии Барретта (Euripides. *Hippolytos*. Edited with Introduction and Commentary by W.S. Barrett. Oxford: Clarendon Press, 1964) и Халлерана (Euripides. *Hippolytus*. With Introduction, Translation and Commentary by Michael R. Halleran. Warminster: Aris & Phillips, 1995). Перевод сверен с английскими версиями Халлерана (в указанном издании) и Ковача (электронный текст:

<http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0106%3Acard%3D1>).

Все хоровые партии переведены оригинальными размерами по метрическим схемам Барретта.

² Большая горная система на северо-западе Африки.

³ Тесей или Тезей (Θησεύς) – 11-й царь Афин. Один из самых известных героев греческой мифологии.

⁴ Матерью Ипполита была Антиопа (Ἀντιόπη), амазонка, дочь бога войны Ареса. Взята в плен во время похода Геракла против амазонок. Геракл подарил её Тесею за храбрость.

⁵ Питфей (Πιτθεύς) – царь Трезена, важного в древности города, расположенного на юго-востоке Пелопоннеса. Питфей славился своим благочестием, поэтому Афродита называет его «чистым» («ἀγνός»). Чувствуется, как в подтексте проводится очень важная для античности мысль о том, что свой род нужно поддерживать в чистоте и не смешивать свою кровь с кровью чужаков – не из-за ненависти к ним, а потому, что существуют определённые качества, которые возвращаются трудом многих поколений «своих» людей, и эти качества легко свести на нет, если не быть разборчивым в браках. Здесь, например, кровь благочестивого царского рода была «испорчена» примешанной к ней дикой кровью амазонки.

⁶ Халлеран (с. 147-8): «Важно отметить, что Аф<родита> требует от Ипп<олита> не простого соблюдения ритуала, но участия в сексе и браке. <...> Ипп<олит> не отрицает божественность Аф<родиты> и не желает помешать поклонению ей; скорее, он хочет держаться от неё на (неуважительном) расстоянии <...>. Хотя девственность ожидалась от незамужних девушек, а целомудрие – от замужних женщин, и периоды сексуального воздержания иногда предписывались мужчинам, полное отрицание сексуальной активности Ипп<олитом> наверняка воспринималось как нечто совершенно из ряда вон выходящее».

⁷ Артемида – девственная богиня.

Я подготовилась, и дело будет лёгким.
 Когда он приходил, покинув дом Питфея,
 смотреть на празднества торжественных мистерий⁸ 25
 в стране Пандиона,⁹ то благородной Федре,
 жене его отца, он сильно тронул сердце
 любовью огневой, по моему желанью.
 Ещё не возвратясь в трезенские владенья,
 поставила она у самых скал Паллады,¹⁰ 30
 напротив этих мест, изящный храм Киприде,¹¹
 чтоб иноземную любовь свою прославить,¹²
 и храм тот назовут «святыней Ипполита».
 Теперь, когда Тесей край Кéкропа¹³ покинул,
 имея на себе кровь мёртвых Паллантидов,¹⁴ 35
 и, взяв свою жену, сюда приехал морем,
 намерен отбывать изгнанье годовое,¹⁵
 несчастная жена, исколота нещадно
 стрекалами любви, молчит и погибает,
 и про её недуг семейству неизвестно. 40
 Однако та любовь закончится иначе.
 Тесей узнаёт всё. Я всё ему раскрою!
 Враждебного юнца проклятьями погубит
 его родной отец, ведь Посейдон, бог моря,
 Тесею обещал исполнить непременно, 45
 как безусловный дар, любые три молитвы.
 А Федре, сохранив свой облик непорочным,
 погибнет всё равно. Не так её мне жалко,
 чтоб я моих врагов уже не заставляла
 мне сердце ублажать мученьями своими! 50
 Но вот сюда идёт, похоже, сын Тесеев,
 уже окончивший тяжёлый труд охоты.
 Да, это Ипполит. Пора мне удалиться.
 Толпа весёлых слуг спешит за ним, ликуя
 и славя гимнами богиню Артемиду. 55
 Ещё не знает он, что перед ним раскрыты
 Аидовы врата, что этот день – последний!

ИППОЛИТ

С песней! За мною! За мною!
 Зевса небесную дочь
 мы воспоём, Артемиду! 60

⁸ Элевсинские мистерии в честь богини плодородия Деметры и её дочери, Персефоны. Посвящённые принимали участие в торжественных обрядах, о которых известно очень мало.

⁹ Пандион (Πανδίων) – афинский царь. Ипполит приходил в Элевсис, центр мистерий, расположенный в 20 км от Афин.

¹⁰ Громкое название афинского Акрополя.

¹¹ Этот храм, видимо, существовал где-то на южном склоне горы (Барретт, с. 160).

¹² Т.е. любовь к трезенцу-Ипполиту.

¹³ Кéкроп (Κέκροψ) – первый царь Аттики.

¹⁴ Паллантиды (Παλλαντίδαι) – 50 сыновей Палланта, сына царя Пандиона, изгнанного из Афин. Паллантиды были двоюродными братьями Тесея. Вместе с отцом восстали против Тесея и были убиты им.

¹⁵ Изгнание на год было типичным наказанием за непредумышленное убийство.

ИП. И СЛУГИ

	Госпожа! Госпожа моя! Семя Зевса великого! Артемиды, возрадуйся, дочь Латоны, ¹⁶ дочь Зевсова!	65
	Ты прекрасней всех девушек! Дом твой в небе сверкающем! Кров отца благославного! Зевса пылкое золото!	
	Славься, дева прекрасная!	70
	Славься, гордость Олимпова!	71
Ип.	Родная госпожа! Я с девственного луга несу тебе венок, создание рук моих!	73
	Там ни один пастух кормить не смеет стадо, и серп там не бывал! Над зеленью травы усердная пчела весною пролетает, Почтенье там поит журчащею водой того, кто не учён, однако от природы свой разум получил! Он знанье всех вещей срывает, как цветы, запретные злодеям!	75
	Благая госпожа, ты золото волос повязкою укрась, ¹⁷ моим смиренным даром! Я правом наделён, один из всех людей, с тобою пребывать, обмениваться речью и слышать голос твой, пусть и не видя глаз! Да будет смерть моя такой же, как рожденье!	80
		85

СЛУГА

	Благой наш господин! (Приветствовать пристало хозяев, как богов.) ¹⁸ Совет хороший примешь?	
Ип.	Приму! А то меня вы умным не сочтёте!	90
Сл.	Ты знаешь про закон, положенный всем людям?	
Ип.	Не знаю. Ты о чём? Что следует нам делать?	
Сл.	От общего врага, гордыни, отвращаться!	
Ип.	Вот это хорошо! Какой гордец не гадок?	
Сл.	Ну а смиренный дух, выходит, благотворен?	95
Ип.	Конечно! Малый труд, но выгода большая!	
Сл.	Считаешь, и к богам относится всё это?	
Ип.	Ну да! Мы и живём по божеским законам!	
Сл.	Зачем же ты молчишь пред гордою ¹⁹ богиней?	

¹⁶ Лето или Латона (Λητώ) – титанида, возлюбленная Зевса, мать Аполлона и Артемиды.

¹⁷ Теперь венок (στέφανος) называется повязкой (ἀνάδημα). Перевод передаёт эту особенность оригинала. Возможно, Ипполит сплёл тонкий венок, похожий на повязку. Возможно также, что это стилистический изыск, свойственный стилю Еврипида. Вот вариант перевода, этого изыска избегающий: «Благая госпожа! Ты золото волос || Укрась моим венком, чистосердечным даром!».

¹⁸ Зная, что Ипполит тщеславен, старик пытается задобрить его перед тем, как давать ему совет.

¹⁹ Барретт (с. 178) обращает внимание на то, что Еврипид использует одно и то же понятие, гордость, и в отрицательном смысле (по отношению к людям), и в положительном (по отношению к божеству). Этот положительный смысл, впрочем, содержит в себе горькую иронию, потому что Афродита, как скоро выяснится, подвержена разрушительной гордыне не в меньшей степени, чем Ипполит.

Ип.	Какой? Поберегись! Не согреши устами!	100
Сл.	Вот этой! У ворот стоящую Кипридой! ²⁰	
Ип.	Я издали молюсь. Я телом незапятнан.	
Сл.	Она весьма горда ²¹ и чтима среди смертных.	
Ип.	На смертных и богов нет общих предпочтений.	
Сл.	Будь счастлив, господин! Пусть ум в тебе созреет!	105
Ип.	Я не люблю богов, которым служат ночью.	
Сл.	Но каждый бог, дитя, с нас требует почтения!	
Ип.	Идите, слуги, в дом! Готовьте пир скорее, накройте на столы! Приятно после ловли наестся от души! Вам нужно и скребницей почистить лошадей! Когда я напируюсь, я с ними пробежусь в любимой колеснице!	110
	Киприде же твоей желаю я удачи!	
Сл.	Неопытным парням я подражать не буду блужданием ума, но, как рабу прилично, пред статуей твоей скажу слова молитвы. Киприда, госпожа! Умей прощать нечестье! Когда молокосос, играя пылким сердцем, болтает всякий вздор, безумца ты не слушай, да будут божества благоразумней смертных!	115 120

ХОР

	Высятся скалы у моря, где Океан протекает ²² и наполняет кувшины чистым, тягучим струеньем.	
	Там полоскала подруга порфироцветные ткани в нитях студёной водицы, после же ткани сушила на разогретом утёсе.	125
	Там я рассказ услышала о госпоже горемычной.	130
	Чахнет она от болезни, в комнате тяжко томится, тонким плащом прикрывая кудри свои золотые.	
	Третий уж день голодает, так и ни крошки не съела, не обхватила губами сладостных зёрен Деметры.	135
	Тайно страдая, желает невозвратно причалить к чёрному берегу смерти!	140

²⁰ Т.е. перед статуей. Есть причины полагать, что слово «Кипридой» – более поздняя пояснительная вставка. Вариант перевода без имени богини: «Вот этой самую, у входа в дом стоящей».

²¹ Пытаясь тактично вразумить Ипполита, старик повторяет, что Афродита «гордая» (σεμνός) богиня. Это повторение есть и в оригинале.

²² По древнегреческим верованиям Океан – огромная река, огибающая весь мир.

Милая, чем ты томишься?
 Пан²³ ли, Геката²⁴ ли душат
 ум твой своим наваждением?
 Рёв ли святых Корибантов?²⁵
 Может быть, горная мать?²⁶
 Или ты не заказала 145
 жертвенный хлеб для Диктинны,²⁷
 для многозверной богини?
 Та ведь бредёт и по Лимнам,²⁸
 и на песочные рёбра
 в пене морской наступает!²⁹ 150

Может быть, муж твой великий,
 Эрехтеид³⁰ предводитель,
 в тайную спальню заходит,
 ищет преступных объятий?
 Может быть, критское судно, 155
 некий моряк иноземный
 в эту радушную гавань
 слух несчастливый доставил,
 так что царица страдает,
 и на постели томится
 сердцем своим почерневшим? 160

Видимо, в женской природе,
 в этом клубке непонятном
 любит беспомощность виться,
 полная зла и метаний,
 дочь истязаний родильных!³¹
 Ветер такой же провеял 165
 в чреве моём,³² но к небесной
 я воззвала Артемиде,

²³ Пан (Πάν) – бог пастушества и скотоводства, плодородия и дикой природы. Мог вызывать экстаз и помешательство.

²⁴ Геката (Ἑκάτη) – богиня лунного света, преисподней, ведьм, ядовитых растений и вообще колдовства.

²⁵ Корибанты (Κοριβάντες) – предшественники жрецов Кибелы, служившие богине в диком воодушевлении, с музыкой и танцами.

²⁶ Кибела (Κυβέλη) – Великая Мать Богов. Эпитет «горная» произошёл оттого, что Кибела пришла из Фригии (района в Малой Азии), гористой местности.

²⁷ Диктинна (Δίκτιννα) – критская богиня охоты, покровительница охотников, рыбаков и моряков, отождествляемая с Артемидой. Здесь, видимо, «Диктинна» является прозвищем самой Артемиды.

²⁸ Лимны (Λίμνη) – морской залив к северу от Трезена.

²⁹ Другими словами: Артемида блуждает везде, и на море, и на суше, и от неё ничто не укроется. Если ты не принесла ей жертву, богиня непременно узнает об этом. Поэтому ты и чахнешь, боясь кары за своё нерадение.

³⁰ Эрехтей (Ἐρεχθεύς) – один из первых царей Афин. «Сыны Эрехтея» или «Эрехтейды» – прозвище афинян.

³¹ Барретт (с. 193): «Когда начинаются роды, женщины впадают в иррациональное состояние ума, которое создаёт в них ощущение полной беспомощности».

³² Барретт (с. 193): «Метафора ветра странна: она может предположить непредсказуемый приступ меланхолии». Действительно, это странный образ. Думаю, Еврипид может иметь в виду и «дуновение» божества, дающего телу приказ начинать родовые схватки. Подобный образ встречается, например, во вступительной речи к «Ифигении в Авлиде»: «он дочери велел самой избрать супруга // по воле ветерков душистой Афродиты» (перевод мой).

стрел дерзновенье хранящей!³³
Если к ней долго взываешь,
боги её присылают!

Вот кормилица старая вышла, 170
из ворот провожая царицу!
Брови бедной, как тучи, темнеют!³⁴
Сердце просит узнать, что случилось,
от каких злключений
цвет лица её так изменился! 175

КОРМИЛИЦА

Беды смертных! Постылые хвори!
Что мне делать, скажи? Что не делать?
Вот и солнце, и синь золотая!
Одр болезни на волю выносят
из покоев дворцовых! 180
Так хотела сюда ты явиться,
а теперь запросилась обратно!
Всё ворчишь, ничему ты не рада,
своего не желаешь, а рвёшься
к недоступным усладам! 185
Лучше хворь, чем уход за больными!
Быть больною так просто, а это
и рукам, и уму наказание!
Жизнь людская – сплошное мученье,
и конца этой пытке не видно! 190
Всё, что нужно ценить больше жизни,
непроглядным туманом покрыто!³⁵
Мы так сильно прикованы к блеску
преходящих вещей, потому что
мы не знаем, что будет за гробом, 195
не дано заглянуть нам под землю,
вот и множим пустые рассказы!

ФЕДРА

Эй, поднять меня! Голову прямо!
Распадается дивное тело!
Я тяну к вам роскошные руки! 200
Ах, служанки! Как давит повязка!
Прочь повязку! И кудри на плечи!

Корм. Замолчи, успокойся! Не надо
так метаться, родная!
Эту хворь перетерпишь ты легче 205
в благородном бездействии духа!

³³ Артемида – богиня охоты и покровительница родов.

³⁴ Барретт (с. 195): «Вследствие нерушимой традиции, требующей, чтобы эта сцена пьесы разворачивалась вне дома, Ф[едру], лежащую на одре болезни, волей-неволей приходится выносить на открытый воздух».

³⁵ Барретт (с. 197): «Некая посмертная жизнь, несомненно, которую культы мистерий и орфики сулили в пятом веке посвящённым и добродетельным».

Фед.	<p>Всем живётся несладко на свете! Ай-ай! Как хотелось бы чистой водицы из ручья полнозвучного выпить и забыться под топодем чёрным, на лугу шелестящем, кудрявом!</p>	210
Корм.	<p>Что ты, доченька, плачешь? Не болтай ты такого на людях, не чекань полоумные речи!</p>	
Фед.	<p>В горы, в лес вы меня унесите, в гущу сосен, где стаи собачьи, жаждой крови пылая, настигают пятнистых оленей! Ради бога! Собак натравляя, над копною кудрей золотистых я разыграю копьём фессалийским, заострённым жестоко!³⁶</p>	215 220
Корм.	<p>Ты зачем так волнуешься, дочка? Для чего тебе эта охота? Что за страсть к родникам резвоструйным? Рядом с башнями есть у нас речка, подойди да и пей, сколько хочешь!</p>	225
Федр.	<p>Артемиды, царящая в Лимнах и гимназиях, гулких конями!³⁷ Полететь бы в полях твоих вольных, лошадей объезжая венетских!³⁸</p>	230
Корм.	<p>Что за речи, лишённые смысла? То ты в горы бежишь на охоту, а теперь и коней подавайте на песке, не промытом волнами! Нам гадатель испытанный нужен, чтобы выведать, кто из бессмертных ум твой, дочка, томит и смущает!</p>	235
Фед.	<p>Чем я, бедная, так провинилась? Где утратила здравый рассудок? В сумасшествие вверг меня демон! Что за горькое горе! Брось вуаль мне на локоны, няня! Я стыжусь этих глупых желаний! Накрывай мне глаза поскорее, где и стыд набухает, и слёзы! Ум блудящий обуздывать больно,</p>	240 245

³⁶ Другими словами: почему я не могу быть Артемидой, чтобы Ипполит боготворил *меня*, а не её? Чем она лучше меня? Я такая же прекрасная и умная. Вот оно, нечестие, за которое Федра будет наказана. В античности никого не волновало, чем заняты мысли человека. Главным были не мысли, но поступки. Можно было осуждать богов сколько угодно в душе. Нечестие заключалось во внешнем выражении этого осуждения.

³⁷ В некоторых гимназиях устраивались и гонки лошадей.

³⁸ Венеты - группа племён, населявших северное побережье Адриатического моря, к северо-востоку от реки По.

	а отдаться безумью преступно! Лучше просто погибнуть, без мыслей!	
Корм.	Вот накидка! Ох, скоро ли в саван и меня замотают? Жизнь меня поучила немало. Людям нужно умеривать пылкость и спокойно сливаться друг с другом, сердцевины души не тревожа.	250 255
	Нужно знать, как любовные связи распускать и завязывать снова. Тяжело мне одной изнуряться, боль двух душ на себя принимая. Как мне жалко бедняжку!	260
	Говорят, несгибаемость духа нам вредит и не дарит отрады, жѣсткий ум со здоровьем враждует. Оттого и хвалю я не крайность, но лишь меру в желаньях.	265
	Кто умѣн, тот со мной согласится!	
Хор	Эй, старая слуга! Кормилица, послушай! Мы видим злой удел царицы этой, Федры, но в чѣм её беда, никак не постигаем, а мы хотим узнать об этом чуть побольше!	270
Корм.	Узнать бы мне самой! Она не объясняет!	
Хор	Не хочет и сказать, когда пришло несчастье?	
Корм.	Мы полностью во тьме! Она молчит об этом!	
Хор	Да, чахнет госпожа! Истощена, разбита!	
Корм.	А я и не дивлюсь! Три дня во рту ни крошки!	275
Хор	Она сошла с ума ? Убить себя желает?	
Корм.	А как тут не умрѣшь? Как выживешь без пищи?	
Хор	Ну, прямо чудеса! И муж всё это терпит?	
Корм.	Она не говорит ни слова о болезни!	
Хор	А сам он по лицу не мог бы догадаться?	280
Корм.	Его тут вовсе нет. Он в край чужой поехал.	
Хор	А если надавить? Быть может, всё узнаешь, и чем она больна, и где умом витает!	
Корм.	Пыталась я уже, и никакого толку! Но я ещё тружусь! Я просто так не сдамся! А ты на всё смотри! Свидетельницей будешь того, как я верна моей хозяйке бедной! Любимое дитя! Давай уже забудем наш недалѣкий спор! Ты озарись немного, разгладь комок бровей, расправь дорогу мыслей!	285 290
	Хоть я тогда и шла нетвѣрдо за тобою, теперь я изменюсь, найду слова получше! И если ты больна зазорною болезнью, вот этот женский хор лечить её поможет!	

	Но если это знать позволено мужчинам, ³⁹	295
	то смело Расскажи! Врачи тобой займутся!	
	Чего же ты молчишь? Эй, доченька! Не кисни!	
	Я глупость говорю? Тогда поспорь со мною!	
	А если я права, то речь мою одобри!	
	Давай! Открой же рот! Взгляни сюда! Вот горе!	300
	Да, женщины! Всё зря! Напрасные старанья!	
	Увязли мы совсем! Она была и раньше	
	глуха к моим словам, такой же и осталась!	
	Но выслушай меня, а после будь упрямей	
	хоть моря самого! Ты деток ведь погубишь!	305
	Когда умрёт их мать, не будет им наследства!	
	Я в том тебе клянусь жестокой амазонкой,	
	владычицей коней, родившей этим детям	
	внебрачного царя! А мнит себя законным	
	твой Ипполит... Федр. Ой-ой! Корм. Что так тебя задело?	310
Федр.	Убила ты меня! Молю богами, няня!	
	Молчи, не говори об этом человеке!	
Корм.	Вот видишь? Разум есть, хотя и нет охоты	
	ни детям помогать, ни видеть это солнце!	
Федр.	Детей люблю я, но... Меня уносит бурей!	315
Корм.	Чиста ли, госпожа, рука твоя от крови?	
Федр.	Рука моя чиста, однако ум запятнан!	
Корм.	Быть может, некий враг наслал дурные чары?	
Федр.	Наслал, но некий друг! Мы беззащитны оба!	
Корм.	Наверное, Тесей тебе плохое сделал?	320
Федр.	Ах, только б я сама чудовищем не стала!	
Корм.	Что это за беда? Зачем ты хочешь смерти?	
Федр.	Оставь меня грешить! Мой грех тебя не тронет!	
Корм.	Но я ведь не уйду! Ты без меня погибнешь!	
Федр.	Эй, что ты! Отпусти! Зачем так давишь руку?	325
Корм.	Я у твоих колен! Я никогда не встану! ⁴⁰	
Федр.	Ты горькую беду сама, бедняжка, просишь!	
Корм.	Что хуже для меня, чем не болеть с тобою?	
Федр.	Со мною ты умрёшь, а я стяжаю славу!	
Корм.	О благе я молю! Зачем таиться, дочка?	330
Федр.	Я и хочу создать благое из дурного!	
Корм.	Тогда твои слова послужат большей чести!	
Федр.	О, ради всех богов! Уйди! Не тискай руку!	
Корм.	Да нет же! Ни за что! Я ведь молю о даре!	
Федр.	Бери! Твоя мольба достойна уваженья!	335
Корм.	Теперь я замолчу, а слово за тобою!	
Федр.	Бедняжка мать моя! Как страстью ты пылала! ⁴¹	
Корм.	Ты, дочка, о быке? Ты это вспоминаешь?	
Федр.	Ах, бедная сестра! Твой муж был сам Дионис! ⁴²	

³⁹ Возможно, имеются в виду зрители-мужчины, сидящие в театре.

⁴⁰ Кормилица принимает официальную позу прислужницы. Теперь Федре трудно ей отказать. Впрочем, думается, она и сама не прочь поговорить о своих страданиях.

⁴¹ Федра вспоминает о своей матери, Пасифае (Πασιφάη), дочери Гелиоса и жене критского царя Миноса, воспылавшей страстью к быку.

Корм.	Любимая, ты что? Родных своих ругаешь?	340
Федр.	Несчастлива, как они, я третьей погибаю!	
Корм.	Я просто сражена! К чему ты, детка, клонишь?	
Федр.	Я мучаюсь бедой не новой, но старинной! ⁴³	
Корм.	Но этим ты ничуть не разъясняешь тайну!	
Федр.	Ох!	
	Сказала б ты сама, что я сказать не смею!	345
Корм.	Но я не рождена пророчицей великой!	
Федр.	Что будет, отвечай, с влюблённым человеком?	
Корм.	Отрада, дочь моя, разбавленная болью!	
Федр.	Вот я и говорю, что чувствую второе!	
Корм.	Ах, милая! Ты что! Ты любишь? И кого же?	350
Федр.	Вот этого как раз... из рода амазонки...	
Корм.	Не Ипполита ли? Федр. Не я, но ты сказала!	
Корм.	Любимое дитя! Меня ты погубила!	
	Как это претерпеть? Как выдержать? Как дальше жить, женщины? О, мрак! О, темень вместо света!	355
	Я навзничь упаду! Дышать я перестану!	
	На что мне эта жизнь? Прощайте! Я погибла!	
	Как так? Иметь мозги, противиться душою – и страстно зла желать! Киприда не богиня, но сила посильней! Всех нас она сгубила,	360
	хозяйку, и меня, и весь наш дом несчастный!	
Хор	Да видишь ли ты? Да знаешь ли ты? Невиданный рок, неслышанный крик, царицы моей, звучанье беды? Погибнуть бы мне! Не видеть бы мне погибель твою! Ах, боже ты мой!	365
	Бедняжка моя! Как плохо тебе! Какая тоска впивается в нас! Ты скоро умрёшь! Раскроется зло! Что будет с тобой? Что день принесёт? Случится беда с твоею семьёй!	370
	Киприда уже не прячет свой ум! Ах, критская дочь! Ах, что за напасть!	
Федр.	Трезенки вы мои, живущие на крайнем, далёком рубеже Пелоповой страны! И ранее уже, в ночном пространстве топком я думала про смерть, губящую людей. Мне кажется, совсем не от изъяна мысли	375

⁴² Федрa вспоминает и свою сестру, Ариадну (Αριάδνη), которая помогла Тесею убить своего родного брата, Минотавра (рождённого Пасифаей от быка). Была покинута Тесеем на острове Наксос, потом стала женой Диониса. Умерла от родов.

⁴³ Федрa намекает на то, что некое проклятие преследует женщин её рода. Согласно одной античной гипотезе, Афродита наказывала несчастной любовью всех женщин-потомков Гелиоса, чтобы отомстить за свой позор, когда её муж, Гефест, поймал её в сети во время совокупления с любовником, Аресом, и выставил на обозрение всем богам. Гефесту же рассказал обо всём Гелиос (см. Барретт, с. 223). Эта история излагается Овидием («Метаморфозы», книга 4).

так людям не везёт. Какой-то разум есть
 у большинства из нас. Посмотрим-ка иначе. 380
 Мы знаем, где добро, однако не хотим
 добыть его трудом, одни от празднотлюбья,
 другие от услад, закрывших путь к добру.
 Да, в нашей жизни есть немало удовольствий:
 беседы по душам, досуг (наш милый грех),
 и ровно два стыда. Один из них приличный, 385
 другой же враг семье. Их разницу поняв,
 не стали б мы писать два слова идентично.
 Я знаю, это так. Выходит, нет нужды
 те мысли вытравлять каким-нибудь лекарством,
 чтоб свой изжитый ум в себе восстановить! 390
 Тебе я расскажу о том, как я страдала.
 Эротом пронзена, пыталась я понять,
 как с этой раной жить. Сначала я хотела
 замкнуться, замолчать и спрятать мой недуг.
 Нет правды в языке. Он гнётся, порицая 395
 и с ловкостью клеймя грехи других людей,
 но самому себе вредит намного больше.
 Затем я собралась, зажав себя в кулак,
 ручьём благих идей умерить безрассудство.
 Когда же, наконец, я больше не могла 400
 Киприду отгеснять, я умереть решила.
 Кто станет отрицать, что это лучший путь?
 Не буду я в тени, когда свершаю благо,
 не буду и грешить под взорами людей!
 И дело, и недуг закончатся бесславьем!⁴⁴ 405
 Я знаю эту злость, которой сильный пол
 окатывает нас. Пусть та прелюбодейка,
 что первой начала пускать чужих мужей
 на брачную постель, погибнет худшей смертью!
 От благородных дам пришло к нам это зло! 410
 Когда лежат в грязи великие вельможи,
 то думает и чернь, что грех весьма хорош.
 Я ненавижу дам, под маскою приличья
 творящих день за днём прегадкие дела!
 Морская госпожа! Киприда! Как не тошно, 415
 как не противно им в глаза мужей смотреть,
 от страха не дрожа, что мрак, что их сообщник,
 что самый этот дом расскажут обо всём!
 Подруги! Для того мне хочется погибнуть,
 чтоб ни меня саму не стали осуждать, 420
 ни деточек моих! Пускай в свободе слова,
 в счастливейшей стране блаженствуют они,
 в Афинах золотых, род матери приличной!
 Становится рабом и храбрый человек,

⁴⁴ Другими словами: неважно, изменю я мужу или нет. Если даже узнают, что я всего лишь подумываю об измене, этого будет достаточно для того, чтобы я была опозорена.

	узнав, что мать с отцом запятнаны злодейством.	425
	Одно лишь, говорят, ценней, чем эта жизнь – чистосердечье слов, прямолинейность мысли. А время обличит любого подлеца, внезапно перед ним, как перед юной девой, круг зеркала подняв. Не стать бы мне такой!	430
Хор	О, да! Весьма хорош дух здоровый и разумный, он славу для людей, как сладкий плод, растит!	
Корм.	Едва я, госпожа, беду твою узнала, мне сердце охватил невыносимый страх, но я была глупа, и люди видят чище, когда вторая мысль над первую блеснёт.	435
	Мучения твои не так уж необычны. Разгневалась, видать, богиня на тебя. ⁴⁵ Ты любишь (вот уж новь!), как миллионы смертных. Зачем же ты себе погибелью грозишь?	440
	Какой тогда резон в кого-нибудь влюбляться и возгораться вновь, когда торопишь смерть? Киприду не сдержать. Рекою растекаясь, за смирными людьми она течёт легко, а тех, кого найдёт погрязшими в гордыне,	445
	хватает и томит, сама ты знаешь, как! И в чистых небесах Киприда проживает, и в глубине морской, рождая всё вокруг. Она и сеет жизнь, и зажигает страстью, которая всех нас на землю привела.	450
	Кто вдумчиво читал стихи поэтов древних и слышал шёпот муз, тот знает хорошо историю о том, как Зевс любил Семелу, ⁴⁶ как Эос ⁴⁷ от людей Кефала ⁴⁸ унесла в собрание богов, когда в него влюбилась.	455
	И все они теперь живут на небесах и вовсе не хотят на эту землю спрыгнуть, легко перенося тиски своей судьбы. А ты не устоишь? Тебе иную долю отец определил, спросив иных богов,	460
	на случай, если ты закон людской отринешь? А сколько, ты скажи, разумнейших мужей	

⁴⁵ Кормилица не видит в этом ничего особо страшного. Барретт (с. 239): «Это совершенно обычная цепь событий, и существует очевидное средство – сделай, как хочет бог, окажи ему всю честь, какую только можешь, и, если повезёт, он оставит тебя в покое».

⁴⁶ Семела (Σεμέλη) – четвёртая дочь основателя Фив Кадма и Гармонии, мать Диониса, которого она зачала от Зевса. Гера, супруга Зевса, в гневе на соперницу решила погубить Семелу. Приняв на себя облик Берои, кормилицы Семелы, она внушила ей желание убедиться воочию, что её возлюбленный – действительно то божество, за какое выдаёт себя, а для этого просит Зевса явиться ей во всём блеске своего величия, с громом и молниями. Вынужденный клятвой исполнить просьбу Семелы, Зевс предстал перед ней в пламени молнии; смертная женщина не выдержала небесного огня и сгорела. Зевс спас от гибели недоношенный в лоне матери плод, вложив его в своё бедро, и, когда наступило время, произвёл на свет Диониса.

⁴⁷ Эос (Ἔως) – богиня зари.

⁴⁸ Кефал (Κέφαλος) – сын Деиона, сына Эола, царя Фокиды. Он был прекрасным юношей и страстным охотником. В него влюбилась Эос и, похитив его, родила от него сына, Фаятона.

	о связях милых жён не зная предпочитает? А много ли отцов мешает сыновьям с Кипридою блудить? ⁴⁹ Мы все давно привыкли постыдные дела творить и забывать!	465
	Не нужно эту жизнь обтачивать сверх меры, нет в мире даже крыш, лежащих на дом с отменной прямою. Затянутая в бездну, как думаешь ты плыть, с пучиною борясь? Пускай в тебе добро над злом преобладает, и это, как у всех, благая будет жизнь! ⁵⁰	470
	Ты, доченька, не плачь! Оставь дурные мысли, гордыню отмети, ведь это-то и есть гордыня – полагать, что ты сильнее бессмертных! Терпи свою любовь! Так хочет божество! ⁵¹	475
	И если ты больна, начни выздоровленье! Обряды есть у нас, волшебные слова, на каждую болезнь имеется лекарство.	480
Хор	Мужчинам никогда его не отыскать, однако женский ум и ловок, и увёртлив! Да, Федра! Эта речь в твоей беде намного полезнее моей, но сердцем я с тобою!	
Федр.	Мои слова горьки, а похвала жестока и слышится трудней, чем доводы старухи!	485
Корм.	Такие вот слова, благие, показные, уничтожают всё, и города, и страны! Язык не для того, чтоб нежно уши гладить, но чтобы дух вести к достоинству и славе!	490
Федр.	Ах, пафос-то какой! Тебе мужчина нужен, а вовсе не слова! Давай скорей обсудим, причём начистоту, что нам с тобою делать! Когда б твоя душа в тисках судьбы не гасла и если б ты была характером сильнее, то я бы никогда толкать в чужую спальню не стала бы тебя! Но ныне плохо дело!	495
Корм.	Все средства хороши для верного спасенья! Ах, гадкие слова! Закрой свой рот нечистый и не произноси таких речей постыдных!	500
Федр.	Постыдное теперь нужнее, чем святое, и лучше согрешить, от гибели спасаясь, чем в гордой чистоте отправиться под землю! О, ради всех богов! Слова твои разумны, но и дурны! Оставь! И так уже всё сердце любовью взрылено, а если будешь славить порок, то как спастись? Тогда я точно сгину!	505

⁴⁹ Барретт (с. 243): «Она выбирает примеры, подходящие случаю: Т[есей] пострадает именно как муж и отец».

⁵⁰ Барретт (с. 246): «Богу доступно совершенное счастье; простой смертный может надеяться не больше чем на преобладание добра над злом».

⁵¹ Из текста не ясно, какое божество имеется здесь в виду – Афродита, или какой-то другой бог, или просто «бог» в смысле «небо», «высшая воля», «судьба». Я склоняюсь ко второму толкованию.

	Эхалийскую дочку, ⁵⁵	545
	без уздечки кобылку, ⁵⁶	
	без венца и без мужа,	
	от Эвритова дома	
	отстегнула Киприда	550
	и безумной наядой,	
	неуёмной вакханкой	
	сыну славной Алкмены	
	отдала в лязге копий,	
	в смеси дыма и крови!	
	О, безумная свадьба!	
	О, священный, упругий	555
	обруч Фив! Устье Дирки! ⁵⁷	
	Вы о нраве Киприды	
	всё узнаете скоро,	
	как с пылающим громом ⁵⁸	
	обручила богиня ⁵⁹	
	мать, зачавшую Вакха,	560
	порождённого дважды	
	из-за бойни кровавой!	
	Так богиня в нас дует ⁶⁰	
	и кружится пчелою! ⁶¹	
Федр. ⁶²	Эй, женщины! Молчать! Я, кажется, погибла! ⁶³	565
Хор	Что, Федра? Что стряслось? Беда под кровлей дома?	
Федр.	Тсс! Кто-то говорит! Молчите! Не мешайте!	
Хор	Молчу! Твои слова добра не предвещают!	
Федр.	Ах, боже! Ай-ай!	
	Ах, я несчастная! За что мне эти муки!	570
Хор	Чего ты кричишь? О чём говоришь?	
	Что, женщина, так сразило тебя,	
	смутило твой ум?	

⁵⁵ Эхалия (Οἰχάλια) – название нескольких городов и местностей в Греции. Точно неизвестно, какая именно Эхалия здесь имеется в виду. Вероятно, та, что была на острове Эвбея (см. Барретт, с. 263).

⁵⁶ Кобылка (κόβλος) – традиционная метафора для незамужней девушки. В данном случае это Иола (Ἰόλη), дочь Эврита, царя города Эхалии. Геракл (сын Алкмены) влюбился в неё и сватался за неё по окончании своих двенадцати подвигов, но получил отказ. Разгневавшись, он разрушил Эхалию и убил Эврита и его сыновей, Иолу же увёл в плен.

⁵⁷ Дирка (Δίρκη) – речка в окрестностях Фив.

⁵⁸ Т.е. за Зевса, который в глазах Семелы стал пламенным громом.

⁵⁹ Афродита.

⁶⁰ Т.е. вдохновляет нас на безрассудные поступки, внушает нам страсти.

⁶¹ Пчела оплодотворяет цветы, смешивая их пыльцу, а также забирает у цветка его нектар. Афродита делает похожие вещи с людьми.

⁶² Начинается разговор Федры с Хором (возможно, в данном случае говорит весь Хор, в унисон, или же один лишь корифей). У эмоционально истощённой Федры нет сил на пение, и она выражается обычным ямбическим триметром (в переводе – шестистопным ямбом). Хор, однако, взволнован и переходит на дохмий (см. Барретт, с. 266-7).

⁶³ В оригинале множественное число. Вариант перевода: «Мы, кажется, погибли!» У Еврипида герой или героиня очень часто говорят о себе во множественном числе, для усиления пафоса. В данном случае предпочтительнее перевести в единственном числе, т.к. никому, кроме Федры, ситуация пока не угрожает.

Федр.	Всё, мне теперь конец! Беги к дверям скорее!	575
	Послушай этот шум! Какая буря в доме!	
Хор	Но ты у ворот! Сама объясни, что в доме стряслось! ⁶⁴	
	Быстрой! Говори! Что там за беда?	580
Федр.	Сын амазонки той, наездницы заядлой, ругается, орёт, бранит мою служанку!	
Хор	Я слышу его, но слов не пойму!	585
	Ты нам сообщи, о чём там кричат за створкой дверей!	
Федр.	Понятно же, о чём! Её поганой сводней он только что назвал, продавшей господина!	590
Хор	Бедняжка моя! Раскрыли тебя! Где выход найти?	
	Всё явно теперь! И ты пропадёшь ах, горе! ай-ай! – в своей же семье!	595
Федр.	Раскрыв мою беду, она меня убила! Заботливый мой врач не одолел болезни!	
Хор	И что теперь? Как быть, в ловушке оказавшись?	
Федр.	Я знаю лишь одно – скорей погибнуть надо! В теперешней беде лишь это мне поможет!	600
Ип.	О, мать моя, земля! О, благосветье солнца! Что это за слова! Позор невыразимый!	
Корм.	Молчи, мой дорогой! Нас кто-нибудь услышит!	
Ип.	Я не могу молчать, заляпан этой грязью!	
Корм.	Но я тебя молю рукой твоей прекрасной! ⁶⁵	605
Ип.	Прочь руки от меня! И пеплос мой не трогай!	
Корм.	Я у колен твоих! Не погуби! Помилуй!	
Ип.	О чём ты? Что за страх? Ведь ты сама невинность!	
Корм.	Мои слова, сынок, не всем предназначались!	
Ип.	На людях всё добро становится добрее!	610
Корм.	Дитя, не забывай! Ты сам же мне поклялся!	
Ип.	Поклялся мой язык, а ум хранил молчанье!	
Корм.	Сынок, ты что творишь? Родных своих погубишь?	
Ип.	Да мне плевать на вас! Я не дружу с ворами!	
Корм.	Прости, мой дорогой! Никто не безупречен!	615
Ип. ⁶⁶	О, Зевс! Ты для чего фальшивых этих женщин,	

⁶⁴ Очень странное и даже грубое обращение Хора к царице. Барретт (с. 269): «Обычные женщины толпой побежали бы к двери, чтобы послушать, но Хор должен отказать, чтобы Ф[едра] смогла продолжить сообщать ему, в интересах слушателей, о том, что ей удастся расслышать. Аудитория, привыкшая к условностям греческого театра, не была бы оскорблена этим». Мне кажется, дело здесь глубже. Еврипид хочет показать нам, что в момент наивысшего эмоционального напряжения социальные рамки перестают существовать. Хор и царица становятся просто женщинами, объединёнными одними страхами и одними ожиданиями.

⁶⁵ Она опять прибегает к испытанному приёму – принимает официальный статус просительницы, прикоснувшись к правой руке Иполита (и вдобавок льстит ему). Теперь ему намного труднее отвергнуть её просьбу.

⁶⁶ Начинается знаменитая речь Иполита, направленная против женщин. Речь эта полна подростковых глупостей и специально доведена драматургом до абсурда. Было бы большой ошибкой приписывать эти мысли самому Еврипиду.

погибельных для нас, под солнцем расселяешь?
 Когда ты размышлял про наше размноженье,
 не стоило тебе на женщин полагаться!
 Пусть каждый человек носил бы медь, железо, 620
 обрезаек золотой в твои благие храмы
 и брал бы там дитя,⁶⁷ какое сколько стоит,
 и нёс его домой, чтоб там оно и жило,
 кормилось и росло, вдали от всяких женщин!
 Беря себе жену, впуская в дом несчастье,⁶⁸ 625
 мы платим за него своими же деньгами!
 Что женщины есть зло, мы ясно понимаем,
 смотря, как их отцы приданое готовят,
 от доченек своих, как от чумы, спасаясь!
 А муж, ведущий в дом чудовище такое, 630
 ликует, остолоп, наряды надевая
 на гадкую змею, проматывая средства
 и кровное добро бездумно расточая!
 Но так устроен мир! Когда тебе полезна⁶⁹
 семья твоей жены, ты горечь брака терпишь, 635
 а если счастлив брак, то родственничков подлых
 приходится терпеть и думать о хорошем!
 Всем легче без жены! Тот сам себя накажет,
 кто женщину к себе подселит простодушно!
 Терпеть их не могу! Мой дом закрыт для самок 640
 с мозгами чуть жирней, чем надобно природе!
 Ещё крупнее зло Киприда порождает
 в разумницах таких! А глупых защищает
 от непотребных дел их собственная глупость!
 Нельзя пускать и слуг на половину женщин, 645
 там нужно обитать лишь тварям бессловесным,
 с которыми нельзя ни словом обменяться,
 ни внятные слова на свой вопрос услышать!
 Но даже взаперти мутят злодейки воду
 и подлые дела служанкам поручают! 650
 И ты теперь меня, паскудница, явилась
 манить в постель отца, не тронутую скверной!
 Но я от грязных слов пойду отмою уши
 в журчащем ручейке! Да разве я безбожник?
 Довольно мне и слов, чтоб ими оскверниться! 655
 Но благодатью моей ты, женщина, спасёшься!
 Когда б я не сглупил, богами не поклялся,

⁶⁷ Из оригинала неясно, какого пола было бы это дитя. Скорее всего, ни того, ни другого.

⁶⁸ Эта строка и следующая повсеместно удаляются, как более поздняя вставка, и с этим трудно не согласиться. Строки нелогичны, в них смешивается приданое с выкупом невесты, и непонятно, зачем всё это здесь говорится. См. подробное обсуждение этого места у Барретта (с. 278-9). В переводе добавлены слова «беря жену», чтобы сделать смысл более понятным. Вот вариант перевода без добавленных слов: «И более того, впуская в дом несчастье» и т.д.

⁶⁹ Эта строка и три последующие являются, скорее всего, вставкой из другой пьесы. Рассуждения о родственниках жены плохо вписываются в аргументацию Ипполита. Более того, он заявляет, что всякий брак – это зло по определению, поэтому «хорошего брака» быть в принципе не может. См. подробное обсуждение этого места у Барретта (с. 279-80).

	<p>то я про всё отцу, конечно, рассказал бы! А раз уж вышло так, то я уйду из дома, пока Тесея нет, и рот сомкну молчаньем! Но я приду с отцом, спокойно наблюдая, как ты и госпожа в глаза ему глядите! Вкус дерзости твоей не скоро я забуду!⁷⁰ Вот женская чума! Я в душу не вмещаю всей ненависти к вам! Пусть это повторенье поставят мне в упрёк! Вы все бурлите скверной! Когда нам не дано облагородить женщин, то стоит ли кричать, что я их унижаю?</p>	660
Федр.	<p>Ужасный удел! Мерцающий злом, горящий костром рок женщин земных! Уловкой какой, заклятьем каким я узел греха смогу развязать? Удар справедлив! Ах, свет и земля! Но как избежать коварной судьбы? Подруги, как боль жестокою скрыть? Где бога найти? Кого из людей просить, чтоб он боль со мной поделил? Мученья мои настолько сильны, что в жизни моей стирается жизнь! Нет в мире людском страдалиц таких!</p>	670
Хор	<p>Всё прахом, госпожа! Не удалась уловка служанки пожилой! Ты слышишь? Плохо дело!</p>	680
Федр.	<p>Негодная ты дрянь! Губительница ближних! Ты что со мной творишь? Пусть дед мой, Зевс великий,⁷¹ тебя искоренит, огнём тебя изжарит! Я говорила ведь, я ведь предупреждала, что нужно рот закрыть! И вот, кругом бесчестье! Куда тебя несло? Теперь мне и в могилу порядочной не лечь! Мне новый выход нужен! Ведь этот человек, разгорячённый злостью, меня из-за тебя перед отцом ославит, Питфею-старикау подробно всё расскажет, наполнит всю страну гнуснейшими словами! Будь проклята и ты, и всякий, кто желает своих друзей губить непрошенным усердьем!</p>	685
Корм.	<p>Ты, госпожа моя, клянёшь меня по праву, однако же твой ум от горя помутился! Мне есть что возразить, а ты меня послушай! Взрастила я тебя, люблю тебя всем сердцем, однако не смогла найти тебе лекарство, а если бы нашла, ходила в мудрецах бы! Когда нам повезло, тогда наш ум и ценят!</p>	690
		700

⁷⁰ Эта строка объявляется подложной, без веских оснований.

⁷¹ Федре была внучкой Зевса по своему отцу, критскому царю Миносу.

Федр.	И это хорошо? И этого довольно – мне душу растерзать, а после извиняться?	
Корм.	Мы много говорим! Я не была разумной, но, доченька моя, спастись ещё возможно!	705
Федр.	И слышать не хочу! Советами своими уже так много зла успела ты наделать! Поди отсюда прочь и о себе заботься, а что до дел моих, я их сама устрою! ⁷² Послушайте и вы, достойные трезенки!	710
Хор	Есть просьба у меня, а вы её уважьте! Всё слышанное здесь в молчании храните!	
Хор	Дочь Зевса! Чистый свет! Внемли мне, Артемида! Клянусь я, госпожа, что я тебя не выдам!	
Федр.	Прекрасные слова! И вот что я добавлю: я знаю, как уйти от этого несчастья и радостную жизнь для деточек устроить, а заодно извлечь из катастрофы пользу! Я никогда свой род не опозорю критский!	715
Федр.	В Тесеевых глазах я ни за что не стану, спасая чужака, изменницей-злодейкой!	720
Хор	Необратимый шаг ты снова замышляешь?	
Федр.	Да, нужно умереть! Но как, ещё не ясно!	
Хор	Ты к разуму вернись! Федр. А ты советуй дело! Сегодня умерев, я славную Киприду, губящую меня, порадую немало, навек сражена ударом тяжкой страсти! Но пасынку та смерть бедою горькой станет, ему не вознестись над мачехой погибшей! Болезнь моей души со мною разделяя, научится он быть немножечко смиренным!	725 730
Хор	Улететь бы мне к ущельям, где я птицею крылатой запорхаю в шумной стае, выполняя божью волю! Взвиться бы над морем синим, Адриатику размерить, Эридан ⁷³ крылом оправить, где страдающие сёстры ⁷⁴ поминают Фазтона ⁷⁵ и над пурпурной водицей янтарём лучистым плачут!	735 740

⁷² Здесь Кормилица уходит, а Федра обращается к Хору.

⁷³ Эридан (Ἐριδανός) – мифологическая река, протекавшая из Рипейских гор (возвышенностей, дающих начало основным рекам Скифии) в океан на крайнем западе Европы.

⁷⁴ Семь (по одному из источников) сестёр Фазтона, которых звали Мерепа, Гелия, Эгла, Лампетия, Феба, Этерия и Диоксиппа. После гибели брата были превращены в тополя, а их слезы стали янтарём.

⁷⁵ Фазтон (Φαέθων, «блистающий») – сын Гелиоса, бога Солнца. Выпросил у отца позволение править солнечной колесницей, но кони неумелого возницы отклонились от правильного курса и приблизились к земле, отчего та загорелась. Зевс вынужден был сбить колесницу молнией. Фазтон рухнул в Эридан и погиб.

Полететь бы мне на взморье,
в сад, к певучим Гесперидам,⁷⁶
где всеильный повелитель
многоцветной бездны моря⁷⁷
путь судам перекрывает, 745
небо линией священной,
силой Атласа⁷⁸ равняя,
где душистые потоки
бьют у Зевсовой постели,⁷⁹
а земля дарит бессмертных 750
бесподобным процветаньем!

Белоснежный парус критский,
нёсший по морской пучине,
над бушующею бездной
из блаженного семейства 755
госпожу мою для брака,
оказавшегося горем!
Не к добру она примчалась
от своих утёсов критских
в благодатные Афины,
и в Мунихии⁸⁰ напрасно 760
моряки канат крепили,
выходя на берег статный!

А теперь постыдным чувством,
порожденьем Афродиты, 765
гордый ум твой взбудоражен!
Удручённая несчастьем,
в петлю, спущенную молча
с крыши брачного покоя,
шею белую ты вденешь! 770
Устыдишься ты позора,
устремишься к доброй славе,
и она к тебе подастся
вместо страшного безумства,
вместо боли нестерпимой! 775

---

⁷⁶ Геспериды (Ἑσπερίδες) – нимфы, дочери Геспера (Вечерней Звезды) и Нюкты (Ночи). Обитали на островах блаженных. В саду, где они жили под охраной дракона, росли золотые яблоки – свадебный подарок, принадлежащий Гере, жене Зевса. Геракл смог достать эти яблоки, что было его одиннадцатым подвигом.

⁷⁷ Посейдон.

⁷⁸ Атлас или Атлант (Ἄτλας) – могучий титан, держащий на своих плечах небесный свод.

⁷⁹ По преданию, здесь Гера и Зевс провели свою первую брачную ночь.

⁸⁰ Мунихий (или Мунихия) – полуостров с одноимённым портовым городом близ Афин.

Корм.	(внутри) О, горе! Горе! ⁸¹ Эй, вы! Сюда, ко мне! Вы все, кто возле дома! Тесеева жена, хозяйка, удавилась!	
Хор	Всё кончено! Увы! Царицы нет на свете! Она висит в петле, качается под крышей!	
Корм.	Нельзя ли поспешить? Несите поскорее двуострый нож сюда! Перерезайте узел!	780
Хор ⁸²	Подруги, как же быть? Бежать ли в дом, на помощь? Снять узел с госпожи, затянутый на шее? – Зачем? Там разве нет прислуги помоложе? В чужое дело лезть едва ли безопасно!	785
Корм.	Бедняжечку мою скорее распрямите! ⁸³ Любимой госпоже нерадостная служба!	
Хор	Услышала я всё! Страдалица погибла! Уже и тёплый труп кладут и выпрямляют!	
ТЕСЕЙ		
	Что, женщины, стряслось? И по какой причине такой истошный крик доносится из комнат? От бога я пришёл, меня же не пустили, не вышли на порог с приветом благодушным! Не случилось ли чего со стариком Питфеем? Он прожил много лет, но было бы печально прощаться с ним теперь и отпустить из дома! ⁸⁴	790 795
Хор	Беда твоя, Тесей, относится не к старым, но только к молодым! От них твои печали!	
Тес.	О, боги! Что с детьми? Детей поубивали?	
Хор	Нет, не детей, но мать! Вот боль тебе какая!	800
Тес.	Ты что! Моя жена? Мертва? Да отчего же?	
Хор	Она тугой петлёй себе стянула горло!	
Тес.	Закована тоской? Другим каким-то горем?	
Хор	Откуда же нам знать! ⁸⁵ Сама я лишь недавно, приехала, Тесей, с тобою вместе плакать!	805
Тес.	Зачем же я венок, из пышных листьев свитый, ношу на голове? Ведь я ходил за смертью! Эй, слуги! Поскорей засовы отодвиньте! Раскройте мощь ворот! Ах, горькая картина! Погибшая жена и муж, почти погибший!	810

⁸¹ В оригинале восклицание «ἰοὺ ἰοὺ», которое можно передать многими русскими восклицаниями («А! А!»), «Ой! Ой!») или же простой транслитерацией: «Иу! Иу!».

⁸² Хор, как всегда, вместо того, чтобы действовать, пускается в рассуждения, теряя драгоценные секунды, когда дело ещё можно поправить. Если бы Еврипид был современным драматургом, то можно было бы сказать, что он выражает мысль о том, что в критические моменты время как бы растягивается или вообще перестаёт существовать, и мысли Хора занимают ничтожно малое время, но вряд ли подобные идеи применимы к античной трагедии.

⁸³ Чтобы труп не заковал в неприглядной позе.

⁸⁴ Не только потому, что ему нравится Питфей, но и потому, что Тесей только что возвратился домой, побывав у оракула. Ему нужно отдохнуть, отпраздновать своё возвращение, воссоединиться с женой – и момент для траура явно неподходящий.

⁸⁵ Помните, что Хор поклялся Федре не выдавать её.

Хор	Бедняжка моя! Добыча страстей! Зачем ты весь дом повергла в печаль поступком своим? Решительный дух, пошедший на смерть в преступной борьбе, зажавший себя своей же рукой! Кто бедный твой ум безумьем покрыл?	815
Тес. ⁸⁶	Несчастье моё! Я, бедный, познал горчайшую скорбь! Ах, злая судьба! Как ты и на меня, и на мой дом низверглась невидимым клеймом карающего бога! Разрушено всё! Безжизненна жизнь! Такая в глазах пучина невзгод, что бедному вдовцу не выбраться на берег и разъярённых вод никак не пересилить! Где слово найти, чтоб им называть жестокий твой рок, супруга моя? Из этих рук моих ты выпорхнула птицей и понеслась в Аид на крыльях шелестящих! Ай-ай! Ай-ай-ай! Беда-то! Беда! За предков моих, за чей-нибудь грех, свершённый давно, теперь я плачу вельнем богов!	820 824 826 830
Хор	Не одному тебе явилось это горе, но многим, господин, пришлось терять любимых!	835
Тес.	Я смерти хочу! Под землю, во тьму я жить поползу! Ах, что за тоска! Нет больше у меня любимейшей подруги! Ты не себя, жена – меня ты погубила! Откуда, скажи, губительный рок ⁸⁷ низвергся, любовь, на сердце твоё? Кто мне расскажет всё? Напрасно ли держу я толпу проворных слуг под этой кровлей царской? Ты смертью своей убила меня! ⁸⁸ Я, бедный, гляжу на сверженный дом! Как справиться с бедой? Как выразить несчастье? Я гибну! Дом пустой! Осиротели дети! Ай-ай! Ай-ай-ай! Ушла ты, ушла! Ах, сердце моё! Какая жена сравнится с тобой в блистании дня и в звёздной ночи?	840 845 850

⁸⁶ Барретт (с. 319): «Структура Тесеева плача создана так, чтобы создать образ сильного человека, пытающегося усмирить жестокою скорбь. [Плач] состоит из строфы и антистрофы, в которых дохмии перемежаются с парами обычных ямбических триметров».

⁸⁷ Первая половина этой строки сильно испорчена.

⁸⁸ Эта строка почти не сохранилась и приводится здесь в моей реконструкции.

Хор	<p>Несчастный вдовец! Разрушен твой дом! Я плачу, смотря на долю твою! Я таю в слезах! Давно я дрожу в объятьях беды!</p>	855
Тес.	<p>А! А! Что за табличка там, в руке жены любимой? Какая это весть? Какое сообщенье? О браке ли моём, о детях ли бедняжка составила письмо? О чём-то попросила? Не бойся, светоч мой! Ни на постель Тесея нет женщинам пути, ни в дом его печальный! Я вижу и печать от перстня золотого, а он принадлежал моей жене покойной! Сломаю я печать и разорву тесёмку,⁸⁹ и дам письму сказать, о чём оно желает!</p>	860 865
Хор	<p>Какая напасть! За старой бедой бог новую шлёт! Безжизненна жизнь! Чего ещё ждать от этой судьбы?⁹⁰ Господский дворец разрушен вполне! Увы! Это всё, что можно сказать! Злой рок, а не пора ль оставить дом в покое?⁹¹ Услышь мою мольбу! Я, как птицегадатель, за бедствием слежу, порхающим по небу!</p>	870
Тес.	<p>А! Новая беда теперь примкнула к старой! Как выдержать её? Как высказать? Я кончен!</p>	875
Хор	<p>Что это за беда? Ты можешь мне поведать?</p>	
Тес.	<p>Кричит, кричит письмо про грех невыносимый! Как сбросить бремя зла? Погиб я совершенно! Пропал я совсем, как только постиг мелодию строк!⁹²</p>	880
Хор	<p>Ай-ай! Ты ощутил первопричину бедствий!</p>	
Тес.	<p>Как мне удержать за створками рта слова о таком безвыходном зле! О, город родной! Послушай! Ипполит на брак мой поднял руку</p>	885

⁸⁹ Барретт (с. 328): «Табличка состояла из двух кусков дерева, покрытых с одной стороны воском (на который наносились буквы) и сложенных вместе таким образом, чтобы воск был с внутренней стороны. В сложенном состоянии табличка перевязывалась нитью или чем-нибудь подобным, а нить потом скреплялась восковой печатью».

⁹⁰ Эта строка и половина предыдущей сильно испорчены, поэтому смысл восстанавливается приблизительно. См. подробный текстологический анализ этого места у Барретта (с. 330-1).

⁹¹ Три заключительные строки Хора считаются более поздней вставкой. Барретт (с. 331) заявляет, что после взволнованных дохмиев Хор никак не может перейти на обычные ямбы и молиться об отвращении несчастья, потому что драматический эффект этим будет разрушен. Под влиянием своей предубежденности Барретт начинает критиковать язык, которым эти строки написаны. Я готов допустить, что некая порча текста имеет место – но удалять эти строки совсем, на мой взгляд, не стоит. Это слишком радикальный шаг, основанный на вкусовых предпочтениях редакторов (как, увы, бывает слишком часто), а не на попытке осознать реалии античного произведения.

⁹² Ямбы Тесея прерываются дохмиями, передающими его крайнюю взволнованность.

	и грязью очернил благое око Зевса! Отец мой! Посейдон! Ты три моих проклятья исполнить обещал! Одно из них низвергни на сына моего! И если дышит сила	
Хор	в проклятиях твоих, пусть он умрёт сегодня! Не надо, господин! Покайся пред богами!	890
Тес.	Ты пожалеешь ведь! Но, право, будет поздно! Нет! Более того, пусть он уйдёт из царства встречать свою судьбу, одну из двух возможных!	
	Пусть мудрый Посейдон, почтив мои молитвы, его, как жалкий труп, низвергнет в дом Аидов, а если будет жить, да станет он изгоем и горький век влачит, скитаясь на чужбине!	895
Хор	А вот как раз твой сын, твой Ипполит, явился! Властитель наш, Тесей! Не поддавайся гневу!	900
Ип.	Ты о семье своей, о благе дома думай! ⁹³ Отец! Я прибежал, твой громкий крик услышав, но не могу понять, зачем ты так стенаешь! Хочу я всё узнать! Скажи, что тут случилось? А! Что это? Отец! О, боги! Что я вижу?	905
	Твоя жена мертва! Неслыханное дело! Я только что был с ней! Она совсем недавно дышала, и жила, и солнцем любовалась! Что с ней произошло? Как бедная погибла? Отец, да говори! Я требую ответа!	910
	Молчишь? Но как молчать? Смотри, какое горе! Когда и в гуще бед всё знать желает сердце, ⁹⁴ то правильно его за жадность порицают! Отец, и от друзей нехорошо таиться, а от родной семьи тем более зазорно!	915
Тес.	О, грешники земли! Рабы своих ошибок! Вы учите юнцов бесчисленным ремёслам, мудрите обо всём, копаетесь в искусствах, но главного понять нисколько не хотите – как полных дураков учить благоразумью!	920
Ип.	Ты, верно, говоришь о мудреце великом, способном побуждать безумье к разуменью, но тонкие слова теперь, отец, не к месту, боюсь я, что беда язык твой распалила!	
Тес.	Ах, если б на земле нашли какой-то способ, как различать друзей и считывать их мысли, чтоб знать, кто друг тебе, а кто рядится в друга, и нужно, чтобы мы два голоса имели, для истины один, другой для остального, и нужно сделать так, чтобы правдивый голос	925
		930

⁹³ Хор и здесь не решается вмешаться и защитить Ипполита, предпочитая обращаться к царю с бесполезными увещаниями. В античной драме хор очень редко принимает какое-либо участие в действии. Его главная функция – наблюдать и комментировать события.

⁹⁴ Эта строка и следующая считаются вставкой из какой-то другой пьесы.

	изобличал всю ложь, храня нас от ошибок!	
Ип.	Неужто некий друг твоё наполнил ухо наветом на меня, хоть я и не виновен? Я просто потрясён! Твои слова безумны, не чувствуется в них и тени рассужденья!	935
Тес.	Во что ты не впадёшь, рассудок человеческий? Докуда не дойдёт и грязь твоя, и наглость? И если человек становится всё хуже, и время нас ведёт, сменяя поколенья, к полнейшему стыду, тогда богам придётся с привычной нам землёй соединить другую и там уже селить злодеев и подонков! Смотрите на него! Мой сын единокровный на брак мой посягнул, но мёртвою женою был сразу облечён во всё своём уродстве!	940
	В лицо отцу смотри! Теперь уже неважно, как близко ты стоишь! Мне скверны не избегнуть! ⁹⁵ Ты корчишь из себя возвышенного мужа, товарища богов? Ах, чистота! Ах, мудрость! Но эти похвальбы не так неоспоримы, чтоб я сошёл с ума и счёл богов глупцами!	945
	Давай! Кичись! Гордись! Растительною пищей желудок набивай! Орфею поклоняйся! С вакханками гарцуй, читай рулоны дури! ⁹⁶	950
	Попался ты, дружок! От этаких людишек бегите со всех ног! Они нас уловляют потоком красных слов, а замышляют подлость! Гляди! Она мертва! Ты возомнил, что спасся? Ты этим уличён всего сильнее, мерзавец! Каким трезвоном кляtv, какими словесами ты горестный упрёк погибшей опровергнешь?	955
	Мол, как внебрачный сын, ты был ей ненавистен? Мол, у чужих детей всегда война с родными? Её ты назовёшь плохой торговкой жизнью, продавшей этот свет, чтоб недруга ужалить?	960
	Заявишь мне, что блуд не свойственен мужчинам, что это женский грех? Я знаю, что и парни	965

⁹⁵ Ипполит осквернён своим злодейством, по мнению Тесея, поэтому при любом контакте с ним скверна сына может перейти на отца. В античности скверна считалась заразной. Этим отчасти объясняется то, что Тесей не хотел сначала разговаривать с Ипполитом. Но теперь это уже неважно, контакт всё равно состоялся.

⁹⁶ Тесей выходит из себя и бросает своему сыну глупые обвинения, плохо соображая, что говорит. Ему ясно, что Ипполит живёт как-то по-особенному, и поэтому он валит на сына всё, что только знает о духовных движениях и обрядах своего времени. А разбирается он в них так же хорошо, как известное животное в известном тропическом фрукте. Орфей (Ορφεύς) – легендарный певец и музыкант, основатель культовых орфических мистерий и орфизма (религиозно-философского учения). Об орфизме мы знаем чрезвычайно мало. Последователи этого учения, действительно, были вегетарианцами. Восьма, впрочем, сомнительно, чтобы Ипполит, охотник и почитатель Артемиды, был вегетарианцем. Вакханки – это уже мистерии бога Диониса. Какая связь видится Тесею между ними и орфизмом, непонятно. Под «рулонами дури» Тесей, наверное, имеет в виду вообще все писания мистиков, которыми Ипполит якобы забивает себе голову, воображая себя великим мудрецом, которому всё дозволено. Ни одно из обвинений разгневанного отца не соответствует истине. См. подробное обсуждение этого места у Барретта (с. 342-3).

	не больше юных дев защищены от страсти, когда их мелкий ум Киприда растрясает, а мужеский их пол им служит оправданьем! ⁹⁷	970
	Да нужно ль затевать с тобою эту тяжбу, имея на руках свидетельство покойной? В изгнание! Прочь, подлец! Долой из государства! И даже не ходи к Афинам богозданным! Нигде не возникай, где я копьё поставил!	975
	Ведь если я стерплю такое унижение, не будет ли тогда Синид истмийский ⁹⁸ вправе сказать, что я солгал и не убил злодея? И у Скиронских скал, соединённых с морем, не бросят ли твердить, что я суров к негодным? ⁹⁹	980
Хор	Живут ли на земле бесспорные счастливыцы? Великодушный ум взлетает, чтобы падать!	
Ип.	Отец, твой жаркий гнев и натяжение мыслей поистине страшны! Но если с них обёртку разумных слов сорвать, ума там не увидишь! С толпою речь вести я, право, не обучен, ¹⁰⁰ я лучше говорю для сверстников немногих, и это хорошо! Кто мямлит с мудрецами, тот просто соловей в кругу себе подобных!	985
	Но должен я теперь, когда пришло несчастье, поупражнять язык! Сначала я разрушу твой первый аргумент, мне гибель присудивший, не слушая меня. Ты видишь эту землю, ты видишь этот свет. Хотя бы с неохотой, но всё-таки признай: кто тут меня безгрешней? ¹⁰¹	990
	Я знаю лучше вас, как почитать бессмертных, в друзья беру лишь тех, кто не силён в злодействе,	995

⁹⁷ Другими словами, на любовные похождения мужчин обычно смотрят сквозь пальцы, от женщин же требуют непорочности.

⁹⁸ Синид или Синис (Σίνις) – знаменитый разбойник, по прозвищу «Питиокампт» («Сосногибатель»). Жил на коринфском перешейке, который называется ещё Истмом. Грабил путников, потом привязывал их к двум соснам и разрывал надвое. Убит Тесеем. Поскольку Тесей был его родственником с материнской стороны, он должен был очиститься от убийства при алтаре Зевса и установить в память убитого игры, названные истмийскими.

⁹⁹ Скиронские (или Скиронидские) скалы (Σκιρωνίδες πέτραι) – по преданию возникли из костей Скирона, ещё одного разбойника, убитого Тесеем. Скирон принуждал путников мыть ему ноги на вершине крутой скалы, а потом сбрасывал своих жертв пинком в море, где морская черепаха поедала их. Тесей заставил его тоже познакомиться с этой черепахой. Поскольку скалы возникли из человека, то они могут «говорить».

¹⁰⁰ Вокруг них собралась (воображаемая) толпа людей. Ипполит не делает никаких попыток завоевать их расположение. Барретт (с. 348): «Чувствуется, что осознание им своей добродетели и своего превосходства не даёт ему понять, в какой опасности он находится». Мне кажется, что «толпой» может являться публика, сидящая в театре. В любом случае, слово «толпа» («ὄχλος») довольно унизительно и, конечно, сразу настраивает слушателей против Ипполита.

¹⁰¹ Нас, воспитанных на иных религиозных традициях, удивляет это полное отсутствие скромности, это выставление напоказ своей чистоты. Однако в древности люди мыслили по-другому. Если человек в точности выполнял предписания богов, то он считал себя вправе рассчитывать на их благосклонность и открыто хвалиться своими заслугами. Вспомните негодование Иова, который никак не мог взять в толк, почему же он наказан божеством, ведь он всё делал правильно. Ипполит знает, что он чист, т.е. он выполнил свои условия договора, поэтому он с полной уверенностью ожидает, что и Артемида выполнит свою часть сделки, т.е. защитит и оправдает его.

кто чувствовал бы стыд, совет плохой давая,
и кто не повредит просящим о поддержке.¹⁰²

Я не смеюсь, отец, над теми, с кем общаюсь, 1000
и равно чту друзей, и близких, и далёких,
не тронут я и тем, чем ты меня тут ловишь,
по этот самый день я не запятнан страстью,
я знаю про неё по вазам,¹⁰³ по рассказам,
однако никогда не чувствовал желанья 1005
на это всё смотреть. Я девственен душою!
Ты в эту чистоту не веруешь. Прекрасно!
А всё же покажи, чем был я так испорчен!
Быть может, красотой жена твоя затмила
весь прочий женский пол? А, может, я стремился 1010
твой дом прибрать к рукам через твою супругу?¹⁰⁴
Я был бы дураком! Нет, полным идиотом!
Ты полагаешь, власть приятна умным людям?
Ты тут совсем не прав! Она с ума сводила
всех смертных на земле, влюблённых в тиранию! 1015
Хочу я побеждать в элладских состязаньях,
а в царстве я смирен и рад второму месту,
чтоб жить и процветать с достойными друзьями!
Для действий есть простор, отсутствие же риска
намного веселей, чем прелесть высшей власти! 1020
Я всё тебе сказал! Теперь последний довод!
Когда бы за меня свидетель поручился
на некоем суде с твоей женой, живою,
то смог бы ты найти злодеев настоящих!¹⁰⁵
Но Зевсом, богом кляत्व, и всей земною твердью 1025
клянусь, что никогда жену твою не трогал,
и не мечтал о том, и даже и не думал!
Пусть лучше я умру бесславно, безымянно,
без дома, без родных, бродягой на чужбине,¹⁰⁶
пусть мой холодный труп и вся земля отвергнет, 1030
и море, если я содеял преступленье!
Кто в страх её вогнал, толкнув к самоубийству,
не знаю я совсем и рассуждать не вправе!
Испорченной душе открылась добродетель,¹⁰⁷

¹⁰² Смысл этой строки не вполне ясен. Альтернативный вариант перевода: «и помогать тому, кто совершает низость».

¹⁰³ В оригинале – «γραφή τε λεύσσω», т.е. «смотря на живопись (рисунки и проч.)». В переводе эти слова несколько конкретизированы из соображений размера. См. также комментарий Барретта (с. 351): «Некоторые вазовые изображения типизируют именно то, что имеет в виду Ипп[олит]». Вазы (и лампы) с изображением эротических сцен были весьма распространены в античности, хотя Ипполит мог видеть и собственно картины, фрески на стенах домов, скульптуру и т.п.

¹⁰⁴ Не совсем понятно, что хочет этим сказать Ипполит. Чтобы жениться на Федре, ему пришлось бы избавиться от Тесея, притом оставался бы вопрос, что делать с законными детьми. Ипполит, наверно, хочет показать абсурдность самой мысли о своих притязаниях на трон.

¹⁰⁵ Во множественном числе либо потому, что он подразумевает Федру и Кормилицу, либо говоря намеренно туманно из уважения к покойной царице. Скорее всего, второе, потому что для первого он мог бы использовать двойственное число, а не множественное.

¹⁰⁶ Эта строка считается вставкой какого-нибудь актёра, «который воображал, что удлинение клятвы сделает её крепче» (Барретт, с. 355).

	а я её имел, не зная, что с ней делать! ¹⁰⁸	1035
Хор	Ты очень хорошо провёл свою защиту. Богами клялся ты, а это ведь не шутка!	
Тес.	Ну не колдун ли он, не мастер заклинаний? Он выдержкой своей родительскую душу, изгаженную им, намерен пересилить!	1040
Ип.	Тому же и в тебе, отец, я поражаюсь! Когда б ты сыном был, а я отцом являлся, то я б тебя убил, а не карал изгнанием, за то, что ты посмел жены моей коснуться!	
Тес.	Ты весь в таких словах! Но ты не примешь смерти по правилам своим, тобой изобретённым! От бед сбежать в Аид – негромкая заслуга! Бродягой станешь ты, и родину покинешь, и век свой проведёшь, тоскуя на чужбине, и будешь так платить за грех свой, нечестивец! ¹⁰⁹	1045 1050
Ип.	А! Что же ты творишь! Ты не назначишь срока законному суду? Так сразу и в изгнание?	
Тес.	Туда, за самый Понт, ¹¹⁰ за океан Атланта, ¹¹¹ подальше от меня! Твой облик мне противен!	
Ип.	Не слыша клятв моих, не расспросив провидцев, меня ты без суда и следствия прогонишь?	1055
Тес.	Письмо моей жены без всяких там гаданий вершит свой верный суд! А стаям птиц, летящим над нашей головой, привет и до свиданья! ¹¹²	
Ип.	О, боги! Почему я рта не раскрываю, ведь из почтения к вам я гибну совершенно! Я, впрочем, не смогу наветы опровергнуть, а только без нужды над клятвой надругаюсь!	1060
Тес.	Напыщенность твоя сведёт меня в могилу! Не будешь ты так добр убраться прочь отсюда?	1065
Ип.	Вот горькая беда! Куда же мне податься? Кто дом откроет мне, когда я так ославлен?	
Тес.	Кто рад потаскуна пустить к своей супруге и дом свой поручить заботам извращенца!	
Ип.	Ты печень мне пронзил! ¹¹³ Как тут не разрыдаться,	1070

¹⁰⁷ Более афористичный и близкий к оригиналу вариант, но с дактилическим окончанием в первой половине строки: «Недобродетельной открылась добродетель» и т.д.

¹⁰⁸ Барретт (с. 356): «Загадочные слова: ничего такого, что нарушило бы его клятву, однако зрители понимают, и Т[есей] (если бы он прислушался) мог бы понять, что Ипп[олит] знает больше, чем желает сказать». Другими словами: «Федра нашла в себе силы противостоять греху и покончить с собой, я же был безгрешен, но это не принесло мне никакой пользы – сейчас меня либо казнят, либо отправят в изгнание, что немногим лучше казни».

¹⁰⁹ Эта строка объявляется подложной.

¹¹⁰ Чёрное море. У древних греков оно называлось Понт Аксинский (Πόντος Ἄξεινος), т.е. «Негостеприимное море».

¹¹¹ Атлантический океан был назван по имени Атланта или Атласа (Ἄτλας) – могучего титана, держащего на плечах небесный свод. В оригинале – «τόπων Ἀτλαντικῶν», досл. «атлантические места».

¹¹² Одним из способов гадания было наблюдение за полётом птиц.

¹¹³ В оригинале – «αἰαί, πρὸς ἥπαρ», т.е. дословно «ай-ай, (прямо) в печень». У древних греков печень, а не сердце, считалась средоточием жизненных сил человека. В наше время подобное восклицание звучит

	когда в твоих глазах я стал таким злодеем!	
Тес.	И думать, и стонать потребно было раньше, когда к жене отца ты гадко подбирался!	
Ип.	Ах, дом! Как я хочу, чтоб ты сказал хоть слово и эту клевету немедля опровергнул!	1075
Тес.	Ты умно подозвал свидетеля немого, но дело и без слов тебя изобличает!	
Ип.	О, боги! Разъединиться бы и на себя взглянуть бы, чтоб горести свои со стороны оплакать!	
Тес.	Ты, милый, сам себе чрезмерно поклонялся, а стоило отца немножечко уважить!	1080
Ип.	Бедняжка мать моя! ¹¹⁴ Несчастное семейство! Да ни один мой друг внебрачным не родится!	
Тес.	Эй, слуги! Вон его! Вы разве не слышали, как я провозгласил предателю изгнание?	1085
Ип.	Прочь руки от меня, а то рыдать начнёте! Ты сына сам гони! Ты сам замыслил это!	
Тес.	Я так и поступлю! Приказа, вижу, мало! И участью твоей нисколько я не тронут!	
Ип.	Похоже, решено. Несчастье-то какое!	1090
	Я знаю обо всём, а рассказать не смею! Благая дочь Летó! Любимая богиня! Сопутница охот! Подруга! Я покину благую твердь Афин! ¹¹⁵ Прощай, родимый город и Эрехтеев край! Трезенская равнина,	1095
	где юностью цвести такое наслажденье, прощай! В последний раз к тебе я обращаюсь! Родные земляки! Товарищи! Пойдёмте! Беседуйте со мной, в дорогу проводите! Разумнее меня вам никого не встретить, хотя родитель мой так вовсе не считает!	1100
СЛУГИ ¹¹⁶		
	Сильно заботы богов, как подумаешь, нам облегчают бремя страданий земных! Я надеюсь возвысить свой разум,	1105
	но тяжело мне смотреть на безумные действия смертных! Мечется племя людей, истощая свой век быстротечный, тратя бессмысленно жизнь!	1110

странно, потому что мы возвели сердце в ранг самого главного органа. Тот, кто предпочитает более привычное звучание перевода, может изменить эту строку так: «Ты сердце мне пронзил!».

¹¹⁴ Амазонка Антиопа, мать Ипполита, встретила насильственную смерть. Существуют разные версии её гибели. По одной из них, Антиопа была убита Гераклом при нападении на Афины, когда Тесей женился на Федре. Есть и такая версия, что Антиопу убил либо сам Тесей, либо его люди.

¹¹⁵ Барретт (с. 364-5): «Он изгоняется из всех земель, где правит Т[есей], как из Афин, так и из Трезена <...>. Но земля, которую он упоминает первой – не Трезен, где он живёт и теперь находится, но Афины: сын афинского царя должен в аттической трагедии считать себя прежде всего афинянином».

¹¹⁶ Формы мужского рода употребляются в строфах, а формы женского рода – в антистрофах. Это очень странно и предполагает либо порчу текста (что маловероятно), либо наличие мужского и женского хором. Для перевода принята именно эта версия. См. подробное обсуждение данной проблемы у Барретта (с. 366-9) и Халлерана (243-5). В редакции Диггла мужской хор состоит из слуг. В рукописной традиции хор везде женский.

Хор	Хочется мне получить от бессмертных в ответ на молитвы счастье, любовь, и успех, и духовность без примеси боли, мысли без тяжкой вражды, но и без криводушного лоска! Я так хочу побежать за капризным течением жизни, счастье руками лова!	1115
Сл.	Меркнет прозрачность ума, не исполнятся наши надежды! Видели, видели мы, как звезда и Афин, и Эллады, самая светлая, в чуждые области скрывается желает от гнева отцовского! Берег песчаный за линией города! Лес под горой, где царевич охотился, зверя проворными псами затравливал, вместе с Диктинной ¹¹⁷ прекрасной, божественной!	1120 1125 1130
Хор	Больше тебе не скакать на венецких конях, ¹¹⁸ в колеснице, больше круги не чертить, озирая гимнасий лимнийский, ¹¹⁹ муза бессонная, лирная музыка в доме отцовском умолкнет, рассыплется! Будет Латонова дочь безвенечная праздно лежать под лесными деревьями! ¹²⁰ Этим изгнанием споры закончатся юных невест о замужестве царственном!	1135 1140
	Всю жизнь я буду горевать, бездольной долею твоей томя свой дух! ¹²¹ Бедняжка мать! Зачем ты сына родила? Как злюсь я всё же на богов! Что за напасть! Хариты, силы брачных уз! ¹²² Как жаль, что из-за ваших чар блуждать в бездомные края ушёл невинный человек!	1145 1150
	Но вижу я слугу из свиты Ипполита! Темнее тучи он! И как несётся к дому!	

¹¹⁷ Диктίνна (Δίκτυννα) – прозвище Артемиды, происходящее от слова «δίκτηον» («рыболовная сеть»). Согласно легенде, Артемида однажды спряталась в рыболовных сетях, спасаясь от объятий критского царя Миноса.

¹¹⁸ Венеты (Ενετοί) – одно из древних племён, населявших Европу.

¹¹⁹ Лимна (Λίμνη) – гимнасий в Трезене.

¹²⁰ Может быть, статуя Артемиды, которой перестанут поклоняться.

¹²¹ Барретт (с. 375): «Юные матроны вполне могут это сказать: они преувеличивают, конечно, и это – не более, чем смесь человеческой природы и скорбной условности [threnodic convention]».

¹²² В оригинале – «συσζύγισι Χάριτες», т.е. «запряжённые вместе Хариты». Хариты (Χάριτες, от слова «χάρις», «изящество, прелесть») – три богини веселья и радости жизни, олицетворение изящества и привлекательности. Хариты являлись покровительницами брака и часто изображались стоящими рука об руку.

ВЕСТНИК

	Эй, женщины! А где правитель этих мест? Где славный наш Тесей? Вы знаете, наверно? Скажите поскорей! Он дома, во дворце?	1155
Хор	Да вот он, погляди! Выходит из покоев!	
Вест.	Тесей, я весть несу, достойную забот и самого тебя, и всех афинских граждан, и жителей твоих трезенских областей!	
Тес.	А что произошло? Ещё одно несчастье на долю наших двух соседствующих стран?	1160
Вест.	Погиб твой Ипполит! Вернее, погибает! Ещё он видит свет, но рвётся волосок!	
Тес.	А кто его сгубил? Не враг ли, чьей супругой, как и женой отца, он силой овладел?	1165
Вест.	Ничуть! Галоп коней, проклятья уст отцовых и господин морей, твой собственный отец, которого ты звал, озлобившись на сына!	
Тес.	О, боги! Ты и впрямь отец мне, Посейдон, услышавший мою печальную молитву!	1170
Вест.	Как он погиб? Скажи! Как был тот лиходея настигнут булавой предвечного Закона? Мы к берегу пришли, разбитому волной, там гривы лошадей чесали мы скребками, рыдая и скорбя. Гонец принёс нам весть о том, что Ипполит не может возвратиться и что его теперь кошмар изгнания ждёт. Пришёл и господин, мелодией рыданий, как мы, будя пески, а с ним без счёту слуг, товарищей толпа, ровесников собрание.	1175
	Он плакал, горевал и вдруг заговорил: «Зачем я так скорблю? Приказ отца священен! Эй, слуги! Впрячь коней! И колесницу мне подайте поскорей! Я здесь уже не дома!» Забегали мы все и подвели коней,	1180
	как сын твой повелел, звенящих пышной сбруей, быстрее, чем о том ты смог бы рассказать. С перил ¹²³ он вожжи снял, их выпрямил руками, проворною стопой вскочил на передок и так сказал богам, ладони воздевая:	1185
	«О, Зевс! Коль я злодей, то пусть я и умру! И пусть отец поймёт, как он меня бесчестит, хотя бы я погиб, хотя бы видел свет!» Потом стрекало взял, кольнул одним движеньем обеих лошадей. ¹²⁴ Мы, слуги, рядом шли, сгрудясь одной толпой, у самой колесницы, и к Аргосу держа, и к Эпидавру путь. ¹²⁵	1190
		1195

¹²³ На колесницах были полукруглые перила, открытые сзади, за которыми стоял возничий. Когда колесницей не пользовались, вожжи привязывались к этим перилам.

¹²⁴ Сложное движение, подчёркивающее опытность и сноровку Ипполита.

¹²⁵ Аргос (Αργος) и Эпидавр (Επίδαυρος) – города на Пелопоннесе.

Когда мы добрались до кромки побережья,
 то нам открылся мыс, граница здешних мест,
 а вдалеке блеснул залив уже Саронский. 1200
 Тут шум из-под земли, как Зевсов гром, пошёл,
 тяжёлый и густой, всех нас перепугавший.
 И головы коней, и уши к небесам
 тревожно задрались. Мы в страхе рассуждали,
 откуда этот звук. Смотри на гулкий берег, 1205
 увидели мы там восставшую до неба
 гигантскую волну. Она у глаз моих
 уже отобрала Скироново побережье,
 Истмийскую дугу, Асклепьеву скалу!¹²⁶
 И вздулась та волна, и, пеной растекаясь, 1210
 толкаемая всей пучиною морской,
 к побережью подошла, к изящной колеснице.
 И в грохоте воды, в уже тройном валу,
 явился мощный бык, свирепое исчадь!
 И вся земля, вобрав его истошный крик, 1215
 взгудела, затряслась! Нам, в ужасе глядящим,
 казался этот бык огромнее, чем был.
 На четверню нашёл испуг невыносимый,
 однако господин, в повадках лошадей
 немало искушён, руками вожжи стиснул 1220
 и, как моряк весло, к себе их начал влечь,
 откинувшись назад и натянул поводья.
 Но кони понеслись, кусая удила,
 рождённые огнём,¹²⁷ и был бессилён кормчий!¹²⁸
 Не чуя ни вожжей, ни тяжести колёс, 1225
 помчалась четверня! Когда же к мягкой суше¹²⁹
 он судно направлял, орудуя веслом,¹³⁰
 бык прыгал перед ним, гоня его обратно,
 вселяя дикий страх в две пары лошадей!
 Пока они неслись на скалы иступлённо, 1230
 безмолвно бык бежал, в перила тычась лбом,
 но вот встряхнул, сломал и опрокинул кузов
 и обод колеса о камень раздробил!
 Всё сшиблось, грохоча! Взлетели втулки, спицы,
 звенящие колки, окружности колёс, 1235
 а твой несчастный сын, запутавшись в поводьях,
 обвязанный кругом, влачится по земле,
 и темя головы о камне разбивает,
 растерзывает плоть, и слышен жуткий крик:

¹²⁶ Халлеран (с. 252): «Местонахождение [Асклепиевой скалы] неизвестно, но, вероятно, это возле Эпидавра, где бог врачевания особенно почитался».

¹²⁷ В оригинале – «πυρρῶν», т.е. «огнерожденные». Барретт (с. 387): «[Удила] кованые; чисто орнаментальный эпитет.»

¹²⁸ В оригинале – «ναύκληρος». Продолжение морской метафоры. Колесница сравнивается с кораблём, потому что её вот-вот поглотит море.

¹²⁹ Т.е. подальше от прибрежных скал.

¹³⁰ Метафора корабля продолжается ещё более смело. В оригинале – «οἴαξ», т.е. «кормовое весло, руль».

АРТЕМИДА

	Знатный отпрыск Эгея! Послушай теперь, что тебе я скажу, Артемиды-богиня, Латонова дочь!	1285
	Почему ты ликуешь, несчастный Тесей, непорочного сына безбожно убив по навету своей лицемерной жены? Ложь правдивое горе тебе родила!	1290
	Почему со стыда не провалишься ты в недра чёрной земли? Почему, превратившись в пернатую тварь, не вспорхнёшь и не скроешься прочь от беды? Ты пойми, что уже не сумеешь ты жить, как достойные люди живут на земле!	1295
	Теперь услышь, Тесей, насколько ты несчастен! Рассказ мой принесёт лишь большее страданье! ¹³⁶ К тебе я прихожу представить в должном свете дух сына твоего, чтоб умер он со славой, и страсть жены твоей, удержанную неким достоинством души! ¹³⁷ Уколота я жалом богини буревой, до девственников падкой, та к сыну твоему желаньем воспылала и, сиюсь победить своим умом Киприду, погублена была кормилицей, сказавшей	1300
	всё сыну твоему, а он молчать поклялся. Как честный человек, он вынес искушение и, обвинён тобой в намеренном злодействе, сумел себя сдержать и не нарушил клятвы! А эта госпожа, боясь быть уличённой, на сына твоего накликала проклятье неискренним письмом, да и сама погибла!	1310
Тес.	Ах, боги!	
Ар.	Как мой рассказ, Тесей? Кусается? Ни слова! Дослушай до конца, чтоб громче застоналось! Отец твой обещал тебе три клятвы, помнишь? Одну из них, злодей, ты неразумно бросил на сына своего, а мог врага прикончить! Родитель твой морской, к тебе приязнь питая, пожаловал тебе обещанный подарок, но поняли мы с ним, какой ты непутёвый!	1315
	Не ждал ты ни улики, ни гóлоса провидцев, не стал всё проверять, не отложил на время решение своё, но принялся скорее проклятия метать – и сына уничтожил!	1320

¹³⁵ Барретт (с. 395) и Халлеран (с. 257) указывают на то, что прославление Афродиты, как самой великой богини, является риторическим преувеличением. Строго говоря, верховный владыка вселенной – Зевс. Однако не сам ли Зевс часто подпадает под чары любви?

¹³⁶ Вариант перевода этой строки: «Я боль не облегчу, но сделаю сильнее.»

¹³⁷ Артемиды признаёт, что Федра пыталась противостоять своей страсти.

навсегда уйду в неизбежный Аид!
Всё пропало! Я тщетно трудился всю жизнь,
уваженья к себе
ожидая от скопища смертных людей!

Ай-ай! Ай-ай! 1370

Как мне всё-таки больно, как больно-то мне!
Отпустите меня!

Пусть появится смерть и меня исцелит!
Уничтожьте меня! Растерзайте меня!
Как прошу я удара двуострым копьем,¹⁴⁰ 1375
чтобы спать уложить,

вечным сном упокоить постылую жизнь!
О, проклятье отца! Ты сгубило меня!
Когда-то пролитая кровь,
злодейство родичей моих 1380
выходит из своих границ¹⁴¹

и больше не желает ждать!
Судьба напала на меня!
За что же? В чём я виноват?
Ах, боже мой!

Что тут сказать? Как удалить 1385
из жизни эту боль мою?
Как исцелиться от беды?
Ах, если б усыпил меня
в своих объятьях чёрный рок
и скрыл Аидовою тьмой!

Ар.¹⁴² Ты, бедный, сопряжён с таким большим несчастьем!
Твой благородный ум тебя же уничтожил! 1390

Ип.
А!
Дыханье божества! И даже в горьком горе
я ощутил тебя, и мне полегче стало!
Ко мне сюда пришла богиня Артемида!

Ар. Да, бедный мой! Пришла любимая богиня!
Ип. Ты видишь, госпожа, как тяжело я страдаю? 1395

Ар. Да, вижу! Но рыдать бессмертным не пристало!¹⁴³

¹⁴⁰ В оригинале – «ἀμφιτόμου λόγχας», т.е. «двуострого копья». Барретт (с. 406) полагает, что Ипполит «кажется, думает о мече». Если читатель согласен с Барреттом, то он волен заменить «копьем» на «мечом». Перевод же следует буквальному значению слова «λόγχας», поскольку известны и копья с двуострым лезвием.

¹⁴¹ В оригинале – «ἐξορίζεται», т.е. «преступает (свои) границы». Барретт (с. 408): «Скверна должна действовать только против самих виновных, и сфера его действия ограничена этим <...>. Теперь же она [скверна – В.] больше не остаётся в своих границах, но пересекает их, чтобы начать действовать за пределами положенной ей сферы». Другими словами, Ипполит считает случившееся с ним несчастье платой за преступления своих предков, платой, которая навязана ему несправедливо, ведь лично он ни в чём не повинен.

¹⁴² Хотя все рукописи отдают эти строки Артемиде, существует мнение, что они должны произноситься корифеем (см. Халлеран, с. 264). Аргументы в пользу этого довольно убедительны, однако перевод следует единогласной рукописной традиции.

¹⁴³ Халлеран (с. 264): «Боги обычно отстраняются от страданий смертных, пусть даже своих любимцев».

Ип.	Пропал охотник твой! Пропал слуга твой верный!	
Ар.	Пропал, но ты любим и на пороге смерти!	
Ип.	Погиб возница твой! Погиб хранитель статуй!	
Ар.	Задумала так всё коварная Киприда!	1400
Ип.	Я знаю, кто мой враг и кем я уничтожен!	
Ар.	Богиню ты не чтил и гневал воздержаньем!	
Ип.	И вот она одна три жизни погубила!	
Ар.	Тебя с твоим отцом, да и жену отцову!	
Ип.	Как жалко мне отца, погрязшего в несчастьях!	1405
Ар.	Да, в сети божества он так легко попался!	
Ип.	Возлюбленный отец! Ты весь истерзан горем!	
Тес.	Я уничтожен, сын, и нет мне света в жизни!	
Ип.	Сильнее, чем себя, мне жаль тебя, отец мой!	
Тес.	Хотел бы я, мой сын, взамен тебя погибнуть!	1410
Ип.	Отец твой, Посейдон, нам тяжкий дар доставил!	
Тес.	Ах, если б этот дар я не просил у бога!	
Ип.	Ты так разгневан был, что ты меня убил бы!	
Тес.	Да, боги у меня весь разум отобрали!	
Ип.	Как тошно мне! ¹⁴⁴	
	Зачем нам не дано проклясть богов казнящих!	1415
Ар.	Оставьте это всё! Но ты во тьме подземной не будешь неотмщён за тяжкий гнев Киприды, который на тебя обрушился смертельно ¹⁴⁵ за твой похвальный ум и почитанье блага!	
	Я собственной рукой убью того, кто ныне	1420
	богиней любим сильнее всех на свете, потоком стрел моих, летучих, неизбежных! ¹⁴⁶	
	Тебе же, бедный мой, за всё твоё страданье я дам большой почёт в трезенском этом граде!	
	Пусть локоны свои до заключенья брака,	1425
	стена по тебе, срезают все невесты, и плод их горьких слёз вкушать ты будешь долго.	
	Пусть девушки тебе слагают неустанно безрадостный напев, не обходя молчаньем и тяжкую любовь несчастной вашей Федры!	1430
	Скажу я и тебе, сын старого Эгея!	
	Ты к сыну подойди, сожми его в объятьях!	
	Неведеньем своим ты парня уничтожил!	
	Да! Если хочет бог, злодеем станет всякий!	
	Отца же, Ипполит, не нужно ненавидеть,	1435
	велением судьбы ты эту жизнь кончаешь!	

¹⁴⁴ В оригинале – «фед», т.е. «увы!». Читатель волен принять этот вариант перевода.

¹⁴⁵ Барретт (с. 411): «Ипп<олит>, понимающий теперь, что его смерть является наказанием за отрицание Афр<одиты>, остаётся непоколебимым в этом отрицании: кара вызвала не покаяние, но проклятие. А теперь и близкая ему богиня утверждает его в таковом отрицании: защитить его [Ипполита – В.] она не может, однако отомстить она способна – и делает это. Человеческий конфликт разрешается смертью; олимпийский конфликт продолжается, неразрешённый».

¹⁴⁶ Имеется в виду Адонис (Ἄδωνις), прекрасный юноша, пастух и охотник, возлюбленный Афродиты. Убит на охоте впрочем, по одной из версий мифа, посланным Артемидой. Еврипид, правда, отступает от традиционного рассказа, представляя дело так, будто бы сама Артемида убьёт Адониса. Впрочем, «стрель» здесь могут быть метафорой её божественного гнева.

	Прощай! Я не могу смотреть на умирающе и замутнять глаза хрипением предсмертным, ¹⁴⁷ а ты уже стоишь на самой кромке бездны!	
Ип.	Прощай и в добрый путь, блаженнейшая дева! Уходишь ты легко от нашей долгой дружбы! ¹⁴⁸ Конец вражде с отцом, когда ты так желаешь! И прежде я тебе во всём повиновался! ¹⁴⁹ Ай-ай! В мои глаза кромешный мрак нисходит! ¹⁵⁰ Приди ко мне, отец, и помоги подняться!	1440 1445
Тес.	Сынок, ты что творишь с отцом твоим несчастным?	
Ип.	Я выпускаю дух! Я двери смерти вижу!	
Тес.	И руку ты мою оставишь нечестивой?	
Ип.	Нисколько! Я тебя очистил от убийства! ¹⁵¹	
Тес.	Что говоришь ты, сын? Избавлен я от крови?	1450
Ип.	Смирительницей стрел ¹⁵² клянусь я, Артемидой!	
Тес.	Возлюбленный мой сын! О, как ты благороден!	
Ип.	Прощай и ты, отец! Прощай теперь надолго!	
Тес.	Что за прекрасный дух! Благочестивый, добрый!	
Ип.	Молись, чтоб ты имел таких детей законных!	1455
Тес.	Ты не бросай меня! Держись, мой сын любимый!	
Ип.	Держаться нет уж сил! Отец, я умираю! Кинь пеплос на лицо! Прикрой меня скорее!	
Тес.	Афинский славный край! Владения Паллады! Кто бросил вас теперь! Какой же я несчастный! Киприда, твой урок я долго помнить буду!	1460
Хор	Как всех граждан теперь поразило этим горем неожиданным! Будут слёзы журчать и струиться,	

¹⁴⁷ В оригинале – «οὐδ’ ὄμμα χραίνειν θανάσιμοισιν ἐκπνοαῖς», т.е. «и осквернять (мой) взор предсмертными вздохами». Немного странное утверждение, потому что вздохи доходят до слуха, не до взора. Очевидно, имеется в виду «и осквернять мой взор видом того, как человек выпускает предсмертный вздох». Возможно также, что хрипение умирающих создаёт что-то вроде испарения, которое оскверняет глаза божества. Так, видимо, это место понимает Анненский: «Взор небесный // Не должен видеть смерти, и глаза // Туманит нам холодное дыханье.» Как бы там ни было, в переводе строка передана почти буквально. Однако читатель может заменить её на такой, более понятный вариант: «и слух мой осквернять хрипением предсмертным».

¹⁴⁸ Барретт (с. 414): «В этих словах нет ни тени упрёка, лишь его жажда быть с нею и безропотное принятие своей человеческой доли». Халлеран (с. 267) вторит Барретту, не находя в словах Ипполита «ни ярко выраженной враждебности, ни упрёка», хотя и признаёт, что критики находили в этих словах «различное отношение, от негодования до благочестивой покорности». Мне трудно согласиться с Барреттом и Халлераном и легко с теми из критиков, которые усматривают в словах Ипполита... я бы не сказал негодование, но явно некий скорбный упрёк. Божество склонно пребывать с человеком во времена его благополучия, но немедленно отдаляется, когда приходит беда или смерть, чтобы избежать скверны, будто божественное может быть осквернено. Впрочем, есть и счастливые исключения, например, поведение Афины, помогавшей Одиссею в тяготах его возвращения на Итаку.

¹⁴⁹ Интересно отметить, что Ипполит прощает отца не по велению своей души, но лишь потому, что этого желает Артемиды.

¹⁵⁰ В оригинале строка начинается с восклицания «αἰαῖ», которое своей необычностью нарушит, на мой взгляд, сдержанную торжественность момента. Впрочем, вот буквальный вариант перевода: «Ай-ай! Мне на глаза кромешный мрак нисходит».

¹⁵¹ Барретт (с. 415): «По аттическому закону пострадавший перед смертью мог избавить убийцу от последствий его преступления».

¹⁵² В оригинале – «τοξόδακνον», т.е. «смиряющей стрелами».

потому что страдания героев
остаются в легендах навеки!

1465

16.10.2017–16.07.2018, Брисбен, Москва, Амударя (Крит), Екатеринбург, Москва
Полная переработка: 05.12.2020–23.12.2020, Брисбен